

СПЕЦИФИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ И ГЕРМАНО-СКАНДИНАВСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ: идеалы и их роль в социокультурной динамике общества и государства

И.Г. МИКАЙЛОВА

Сегодня трудно переоценить методологическое значение исследований, ориентированных на изучение специфики воспроизводства российской ментальности и обусловленной ею динамики российской государственности¹. Многоаспектность и глубина такого проблемного комплекса, нацеленного на формирование субъективных способностей, обеспечивающих самоопределение и самореализацию членов сообщества, продемонстрировали все возрастающую актуальность разработки качественно нового методологического подхода к осмыслению проблемы социокультурной динамики общества и его ментальности. Исследование базируется на такой прогрессивной методологии, как метод дуальных оппозиций, разработанный К. Леви-Строссом для изучения примитивных культур² и применяемый нами для анализа социокультурной динамики³, и закон самоорганизации социальных идеалов⁴.

Предлагаемый подход к осмыслению истории, формируемой группами людей, разрушающих доминирующие в обществе идеалы и утверждающих новые, оппозиционные и который базируется на теории социальной самоорганизации, позволил нам решить несколько исследовательских задач.

Во-первых, выявить ведущую роль идеалов в динамике социокультурных процессов⁵. Во-вторых, вскрыть механизм динамической смены социальных идеалов, согласно закону их самоорганизации. В-третьих, осмыслить социальные идеалы, определяющие соответствующие культурные программы в качестве фундамента формирования ментальности членов общества и обусловленной ею динамики воспроизводства социальных и человеческих отношений. В-четвертых, осуществить сравнительный анализ специфической природы формирования и распада четырех типов государственности в России, Германии и Скандинавии: соборно-вечевой (на Руси – Киевской соборной, в Германии и Скандинавии – вечевой); авторитарной (на Руси – Московской авторитарной); имперской, самодержавно-милитаристской (в России – Романовской, в Германии – Бисмарка); тоталитарной (в советской России и нацистской Германии). И, наконец, в-пятых, подтвердить гипотезу о взаимообусловленности специфики каждого из типов и специфики традиционного и либерально-модернистского типов суперцивилизаций с присущими им доминирующими социальными идеалами⁶.

Результаты изучения специфических особенностей социокультурной динамики российского, германского и скандинавского обществ с позиций синергетической философии истории позволили нам сделать вывод о противоречивости этих типов государственности и природы присущей им ментальности. Эта противоречивость выражается в оппозиции, один полюс которой — это стремление членов сообщества к сохранению традиционного фундамента государственности, а другой — стремление к самоопределению в изменяющихся условиях на основе критики исторически сложившейся традиционной специфики государственности⁷.

1. Соборно-вечевая государственность и ее специфика

Возникновение соборно-вечевой государственности в Киевской Руси, Германии и Скандинавии в условиях распада традиционного вечевого идеала на авторитарный и соборный характеризовалось дуальной оппозицией, один полюс которой был ориентирован на соборный идеал, воплощаемый Всенародным вечем (Тингом), а другой — на авторитарный, реализуемый властью князя или конунга.

Специфика первой формирующейся соборно-вечевой государственности определялась природой доминирующего соборного идеала, который отвергал единоличную княжескую власть и сводил статус правителя к статусу родоначальника, полномочия которого ограничивались Всенародным вечем. Ориентированный на политику объединения общества посредством эмоциональной доминанты социальных отношений и служивший носителем локализма, угрожавшего распадом общества на регионы, страты и группы, соборный идеал препятствовал процессу интенсификации воспроизводства. Этот идеал, в отличие от авторитарного, провоцировал серьезную опасность выбросов эмоциональной агрессивности в отношении членов других локальных сообществ внутри государства. Именно поэтому первая, соборно-вечевая государственность оказалась не в состоянии обеспечить интеграцию большого общества. Дуальная оппозиция, один полюс которой был ориентирован на интерпретацию, интеграцию и государство, а другой — на экстраполяцию и массовый локализм, стала причиной ожесточенной борьбы идеалов и обусловленных ими культурных ценностей. Именно эта борьба социальных идеалов за доминирующую роль в обществе привела к распаду первой, соборно-вечевой государственности (в частности, Киевское государство прекратило свое существование после смерти князя Мстислава в 1132 г.)⁸. Киевская соборная государственность оказалась не в состоянии преодолеть присущую ей изначально дого-

сударственную природу, служившую причиной социокультурного раскола, обусловленного дуальной природой принципа коллективного родового правления. В отличие от нее двухполюсный (с участием народа/Тинг) принцип реализации власти рассматривался вечевой германо-скандинавской государственностью единственно в качестве промежуточной формы в процессе формирования второй, авторитарной государственности. Тем самым, отмена в Германии и Скандинавии такого института прямого народоуправления, как Тинг, который мог функционировать только в условиях небольшого сообщества со сравнительно ограниченной численностью его членов, свидетельствовала о том, что ни германцами, ни скандинавами, в отличие от Киевской Руси, Тингу никогда не присваивался статус сакрального института власти.

Своевременное осмысление деструктивного потенциала вечевого института власти предотвратило угрозу роста вечевой активности, неспособной к устранению фундаментальных изъянов развивающейся авторитарной государственности и опасности двойной легитимации власти, ведущей к углублению социокультурного раскола (как это, собственно, и произошло на Руси). Это позволило скандинавским и германским государственным новообразованиям быстро ликвидировать кланы в качестве социокультурных субъектов посредством смысловой трансформации догосударственной, языческой культуры с присущими ей пра-идеалами. Этот сдвиг культурных ценностей в Германии и Скандинавии способствовал преодолению угрозы социокультурного раскола между архаичной доосевой культурой и вновь формирующейся государственной, христианской культурой. А в России ни второй, Московской авторитарной, ни третьей, Романовской самодержавно-милитаристской государственности так и не удалось справиться с этой проблемой.

В отличие от модели экстенсивного развития киевской и германской вечевой государственности, скандинавская вечевая государственность продемонстрировала модель интенсивного развития с присущими ей качествами стабильности и конкурентоспособности. В противоположность формировавшимся в Киевской Руси и Германии государственным моделям войны и насилия, государственные образования на скандинавских землях не были силовым предприятием, доступ к новым ресурсам которых обеспечивался посредством их захвата и территориального расширения. И если в Киевской Руси и Германии внешние, захватнические войны неизбежно трансформировались во внутренние, междоусобные, вследствие внутривидовых столкновений, Скандинавия избежала этого благодаря влиянию промежуточной страты скальдов-воинов, служивших эмоциональным связующим звеном между правителем, военной элитой и народом.

2. Авторитарная государственность и ее специфика

Разрушение соборного идеала как основы первой, соборно-вечевой государственности, способствовало утверждению авторитарного идеала в качестве доминирующего в обществе и формированию новой, авторитарной государственности. Эта вторая авторитарная Московская государственность восходила к периоду правления Ивана I Калиты (1328 – 1341), экстраполировавшего авторитарные принципы, присущие княжескому уделу, на государство. Вторая государственность сформировалась на основе удельной вотчины в качестве обособленного, самостоятельного княжества. Специфика авторитарной государственности определялась, тем самым, особой природой авторитарного идеала, который базировался на традиционных представлениях о власти отца и насаждаемом им в обществе авторитарном монологе.

Преимуществом авторитарной (русской, германской и скандинавской) государственности служила ее способность к преодолению архаичного родового принципа реализации власти, ликвидации зависимости от иноземного господства (в случае Московской государственности – от монгольского) и обеспечению суверенитета.

В отличие от Московской авторитарной государственности, и скандинавская, и германская авторитарная государственность сумели не только своевременно трансформировать привилегированное профессиональное воинство (каковым являлись дружины) в государствообразующее сословие, но и связать его с государством правовыми обязательствами. В государственных новообразованиях Германии и Скандинавии наложение зарождавшейся государственной культуры на догосударственную обеспечивало культурно-политическую интеграцию социума. А на Руси сакральная роль политики быстро превратилась в мощный консервативный фактор, спровоцировав, тем самым, самоустранение членов сообщества как субъектов политики от активного участия в ее формировании⁹.

Распад в России второй, авторитарной государственности наглядно свидетельствовал о неспособности однополюсной («отцовской») модели государственности обеспечить консолидацию общества на основе религиозной общности, эффективной только в условиях внешнеполитической угрозы. В случае угасания правящей династии однополюсная модель, не различавшая правителя и государство (правитель рассматривался тождественным государству) прекращала свое существование ввиду отсутствия наследственного правителя. Этот принцип легитимировал смуту, которая активизировала процесс расчленения образов правителя и государства в сознании членов общества (как это и произошло в Московской Руси).

3. Самодержавно-милитаристская государственность и ее специфика

Процесс формирования утилитарной государственности в России (Петровской), Германии и Скандинавии предполагал замену религиозной составляющей авторитарного идеала утилитарной. В Скандинавии подобная замена способствовала не только деструкции нерасчлененной целостности культурных стереотипов и динамического сдвига вечевых ценностей, но и формированию новой системы договорно-правовых обязательств. В России и Германии государство, миновав этот подготовительный этап, осуществило переход к подавлению частных интересов. Этот переход стал мощным препятствием развития общества посредством закона, с одной стороны, и формирования государственной ответственности, с другой. Тем самым, милитаризация, обеспечивавшая Российской и новой Германской империи воспроизводство военной самоорганизации, не позволила закону стать универсальным принципом, поставленным над властью, практически исключив субъектов развития из процедуры защиты собственных интересов.

Самодержавная государственность остановилась в своем развитии на эмбриональной стадии создания социокультурных предпосылок перехода к законодательному ограничению самодержавия и разделению властей. Она через подавление либерально-правовой составляющей формирующегося авторитарно-либерального идеала затормозила процесс развития общества. Тем самым доминирующий в обществе (в Российской Империи – Александра II) авторитарно-демократический идеал обусловил радикальные преобразования, ориентированные на переход к универсальным принципам законности и права. Этот переход окончательно подорвал фундамент самодержавной государственности. Причиной ее неизбежного распада (и в Российской Империи Романовых, и в новой Германской Империи Бисмарка) послужило обострение противоречия, выражаемого через дуальную оппозицию, один полюс которой был ориентирован на либеральную культуру, другой – на общинно-вечевую, а межполюсное пространство – на компромисс с целью устранения угрозы протеста низших сословий и интеллектуальной элиты против самодержавной политики консервативной стабилизации. Именно этим объяснялись вынужденные меры (в Российской империи – Николая II), направленные на ограничение самодержавия конституционными законами, что не могло не способствовать формированию и утверждению нового, тоталитарного идеала.

4. Тоталитарная государственность и ее специфика

Тоталитарная государственность, сформировавшаяся в советской России (при Сталине) и в нацистской Германии (при Гитле-

ре) была нацелена на самовоспроизводство в соответствии с требованиями тоталитарного идеала. Специфика этой государственности определялась тремя факторами: во-первых, сакрализацией (коммунистического или нацистского) гиперлидера, власть которого не подчинялась закону, и сакрализацией (коммунистической — в России или национал-социалистической — в Германии) партии, от имени которой действовал гиперлидер. Во-вторых, заимствованием универсальных юридически-правовых абстракций второго осевого времени, которые позволяли, с одной стороны, провозглашать равенство членов сообщества перед законом и их равные социальные и политические права, а с другой, ограничивать юридический универсализм таким образом, чтобы он не распространялся на партию и ее вождя. И, в-третьих, возведением гиперидеала в ранг всеобщего исторического закона, обеспечивавшего юридически надзаконной власти партии и ее вождя конституционный статус.

Тоталитарное государство насаждало надконфессиональную и надэтническую идеологию. Она соответствовала требованиям гиперидеала, который составлял основу тоталитаризма как социального явления, и провозглашала абсолютизацию относительно идеала посредством передачи ему качеств абсолютного и иллюзорной гарантии его реализации в обозримом будущем. Подобная абсолютизация частночеловеческого идеала, в свою очередь, способствовала отождествлению утилитарного (политического) и духовного (эстетического) идеалов, активизируя процессы политизации культурной и эстетизации политической деятельности. Потенциал гиперидеала в тоталитарном обществе был обусловлен степенью его влияния на коллективное сознание и способностью вынуждать членов сообщества к коллективному самопожертвованию. Гиперидеал был нацелен на подавления личностной составляющей природы человека, а инструментом реализации этой политики являлось тоталитарное государство, утверждавшее доминанту государственных интересов над личными¹⁰.

Курс в советской России и восточной Германии на консолидацию и самосохранение партийно-государственной элиты как монопольно правящей страты ускорил процесс распада тоталитарной государственности. Этот процесс был ориентирован на реализацию синтеза коллективного и авторитарного руководства, и вместе с тем соединения элементов социального идеала с утилитарным, чтобы выстроить некую модель либерально-модернистской государственности.

Исторический опыт России показал несостоятельность изложенной в статье модели развития русской культуры. Будущее России связано с формированием качественно новой конструктивной

модели воспроизводства отечественной государственности на основе либерально-модернистской, ориентированной на обретение собственной цивилизационной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Микайлова И.Г.* Специфика Российской ментальности: идеалы и их роль в социокультурной динамике Российского общества // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник: Вып. 4: Ч. 1. — М.: ИНИОН РАН, 2009. — С. 419 — 425.
- ² См.: *Levi-Strauss C.* Myth and Meaning. — New York: Schocken Book. — P. 54; *Levi-Strauss C.* The Savage Mind. — Chicago: University of Chicago Press, 1966. — P. 21.
- ³ См.: *Микайлова И.Г.* Субъект самовыражения в динамике сдвига культурных смыслов // Мир психологии. 2008. № 2. — С. 116 — 127.
- ⁴ См.: Синергетическая философия истории / Под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. — Рязань: Копи-Принт, 2009. — С. 93 — 113.
- ⁵ См.: *Микайлова И.Г.* Подход А.С. Ахиезера к изучению социокультурной динамики общества и государства (Субъект культурного процесса в межполюсном пространстве дуальных оппозиций) // В поисках теории российской цивилизации: памяти А.С. Ахиезера. — М.: Новый хронограф, 2009. — С. 355 — 371.
- ⁶ См.: *Микайлова И.Г.* Специфика Российской ментальности: идеалы и их роль в социокультурной динамике Российского общества.
- ⁷ См.: *Микайлова И.Г.* Субъект идеи культуры в межполюсном пространстве дуальных оппозиций (Креативный человек и власть) // Философские исследования. 2008. № 2. — С. 89 — 104.
- ⁸ См.: *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? — М.: Новое издательство, 2005. — С. 96 — 98.
- ⁹ См. там же. — С. 98.
- ¹⁰ См.: *Михайлова И.Г.* Художественное моделирование как фактор фантастического видения реальности. — СПб.: Б&К, 2005. — С. 174 — 175.

Аннотация

В статье обосновывается актуальность нового методологического подхода к сравнительному анализу социокультурной динамики общества и его ментальности и роли идеалов в решении проблем цивилизационного выбора.

Ключевые слова:

идеалы, ментальность, государственность, сравнительный анализ, Россия, воспроизводство, социокультурная динамика.

Summary

The article is focused on discussing a new methodological approach to the comparative analysis of social and cultural experience accumulated in course of solving problems that arise in selecting alternative ways of civilization progress.

Keywords:

Ideals, dynamic social and cultural changes, comparative analysis, statehood, community members' mentality, civilized progress.